

Смысл былины о богатырях и призвание русского народа

«В моей малой сумочке переметной
Вся земная тяга понагружена».

(Богат. Микула Селяньнович).

Если какая-либо идея из века в век в том или ином виде вновь и вновь возобновляется, то это свидетельствует о том, что есть некая подлинная и значительная реальность, которой эта идея соответствует и что, следовательно, в ней содержится некоторая доля истины. Родословная идея имеет больше значения и смысла, чем родословная людей.

При этом такое возобновление обычно есть не только и не столько повторение одного и того же, сколько рост его. Великие идеи, как и все великое, зреют и растут на протяжении всей истории, — медленно и постепенно, — прежде чем родиться в своем настоящем и зрелом виде. В этом сказывается всеобщий принцип развития и генезиса. Большое явление должно иметь столь же значительное происхождение. Каждая большая идея необходимо должна иметь своих предтеч, своих предвозвестников, свои предощущения и предзнаменования, в которых выражается ее утробное, вегетативное существование. Все известные нам великие научные открытия, как и целые философские системы и идеологии, уходят далеко вглубь духовной истории, так что иногда даже трудно бывает точно установить, кто, в конце концов, был действительно первым автором данного открытия или идейного откровения.

Сказанное в особенности верно в отношении всеобъемлющей Идеи грядущего титанического мирозерцания, Идеи — Идеала Прометеизма, отдельные разнообразные проблески, предчувствия и предощущения которого, зреют и встречаются в самых различных проявлениях и формах на протяжении всей истории человеческого развития. При этом отдельные вспышки таких эмбрионально-разрозненных проблесков этого мирозерцания были тем ярче и значительнее, чем сильнее разгоралось пламя самого этого развития и проявления твор-

ческого гения человека, чем выше подымалась кривая истории. Это подчеркивает существующую внутреннюю связь между последней и этим мирозерцанием. Чем больше содержалось золота **собственно-исторического** в составе руды прошлого, по существу лишь **пред-исторического** бытия человечества, тем больше встречалось и адекватных ему элементов титанического мирозерцания, соответствующего в своем целостном и зрелом виде лишь грядущей прометеевской эре человеческого существования, эре Истории **в собственном смысле**. Наиболее вещим и прекрасным из таких всплеск грядущего всепобеждающего демиургического Огня был миф о Прометее. И хотя этот древне-греческий миф был первым и еще на заре истории человечества самым ярким проблеском того высшего сознания и бытия, для раскрытия и осуществления которого назрели духовные и материальные условия лишь в наше время, тем не менее, миф этот имел и ближайшее, для того времени, вещее предзнаменование: греки впервые создали подлинную, настоящую культуру, то «греческое чудо», чему не было ничего равного до тех пор во всей древней истории.

В свете такой широко генетической точки зрения на Историю в собственном значении этого понятия и на титаническое мирозерцание, соответствующее ее призванию и сущности, глубокий и исключительно важный интерес для оценки и характеристики души русского народа и его исторического призвания представляют знаменитые русские былины о богатырях, в которых уже в младенческом возрасте этого народа отразились в иносказательной художественно-аллегорической форме его могучая историческая стать и его подлинная потенциально-титаническая природа. Героический эпос у других великих народов ничего не имеет общего — ни по размерам, ни по духовному смыслу и значительности, с русскими былинами о богатырях. Богатырь — нечто значительно большее, чем только герой; или это герой в высшем, именно титаническом смысле слова. И тем более — богатыри не были только выражением военной доблести русского народа. Они нечто в своем роде «мистическое», некие порождения Земли, воссоединяющие ее в своей мощи с Небом; нечто могуче теллурическое, — встающие и восстающие к Небу из Земли, в новом и новом соприкосновении с ней черпающие свою всепобеждающую безграничную силу. Это наивно-иносказательное выражение победной творческой мощи русского народа, его гигантских потенциальных масштабов бытия. Богатырь это герой и в то же время — воплощенные высших возможностей дремлющих в человеке. Соединяя в себе свойства высшего существа, полу-божества — по тогдашним представлениям, он в то же время остается человеком, ни в чем не отступая от свойств этого последнего. Само название «богатырь» может быть рассматриваемо как происходящее от корня «Бог» (ср. Буслаев, Щепкин и др.), т.-е. «одаренный — как говорит В. Авенариус, — высшими божественными качествами, полубог» («Книга былин»). Но эти сверх-

человеческие свойства его не сверхъестественного, теологического порядка, а героического. Он не низводит с небес благодать, он совершает подвиг. Он — герой в высшем смысле слова, а не сверхъестественное существо, подлинный Сын Человеческий, Человекобог, а не Сын Божий, Богочеловек. Страдание мира это и его страдание, его торжество — человеческое торжество. В духе титанического миросозерцания он утверждает мощь добра, а не его немощь — как это соответствует духу теологического миросозерцания. В нем добро побеждает, торжествует свое могущество, а не распирается, не поноится силой. Здесь сила в союзе с добром, а не в борьбе с ним; она служит ему, а не господствует над ним. В противоположность теологическому миросозерцанию, утверждающему немощь добра и зло силы, здесь утверждается сила добра и добро силы. И в этом добро и сила такого миросозерцания, как немощь и зло противоположного, теологического

Такое существо богатыря выражается и в его деятельности, которая состоит не в сверхъестественных «чудесах», а в подвигах. И в этой деятельности, как и в титанических, «богатырских» масштабах его существа, символизируется смысл того миросозерцания, которое уже на заре истории русского народа предпосыло его внутреннему духовному взору.

«Повернул бы землю краем вверх
И смешал бы земных со небесными»,

говорит один из богатырей (Святогор, богатырь старший). И в этом смутном желании как бы предвосхищается тот демиургический Подвиг грядущего воссоединения Неба и Земли, низведения на Землю Неба и возведения к Небу Земли, который явится Делом, лишь теперь назревшего титанического миросозерцания. А в унисон с этими словами с другой стороны и в том же духе им вторит другой богатырь:

«В моей малой сумочке переметной
Вся земная тяга понагружена».

(Микула Селяннович.)

То и другое было колыбельным лепетом народа-богатыря, смутно, но мощным образом предощущавшего в себе вековую, зреющую в течение всей предисторической эры человеческого существования Реальность отдаленного грандиозного будущего.

Таким былинным творчеством осенена вся юность русского народа. Только после принятия, **извне привезенного**, христианства богатыри стали постепенно «переводиться на Руси», и их культ, который был до сих пор, уступил место христианскому культу юродивого. Так героический идеал величия и могущества уступил место аскетическому идеалу немощи и убожества, идеал богатыря вытеснился идеалом юродивого и монаха. То обстоятельство, что некоторые элементы в

последних былинах (например, об Илье Муромце) имеют характер отчасти благоприятный христианству, является лишь естественной данью новому победившему мирозерцанию, отразившемуся в уже заканчивавшемся былинном творчестве народа. Существенно, однако, то, что с полной победой этого нового теологического мирозерцания былинное творчество о богатырях **прекратилось совершенно**.

Тем не менее, былинное творчество о богатырях было тем, с чем русский народ явился на свет, то, чем он является **по рождению**. И если, к этому, в настоящее время именно русский народ является тем народом, в который на данной новой ступени всемирно-исторического развития вселился, по гегелевскому выражению, «дух истории», ибо именно Россия сейчас представляет собой силовое поле истории, узел и место кристаллизации ее путей, то новый мир, мир грядущего прометеевского бытия и сознания, который эта новая эпоха с собой несет, должен притти именно отсюда. Русский народ является его естественным носителем и инициатором — не только по характеру, как сейчас увидим, и масштабам своей души, но, следовательно, и по рождению. Так гений обычно уже в детстве обнаруживает в своих склонностях, запросах и устремлениях то, что потом явится призванием его великой природы.

В этой связи нельзя не отметить, что когда разного рода разновидности нашего, так называемого, славянофильства, в частности, новейшего, связывают мессианиззм русского народа с «его» христианством, то это простое недоразумение, упускающее из виду, во-первых, то, что мы сами получили его **извне**, так что никак уж не можем «нести» его миру в качестве нового слова, а, во-вторых, что этому «новому слову» почти уже две тысячи лет, и оно сейчас находится в состоянии явного старческого заката. Наша переходная критическая эпоха есть именно эпоха конца теологического мирозерцания, конца Религии вообще и зарождения нового высшего титанического мирозерцания, мирозерцания Прометеизма, и в этом ее величие и глубочайший всемирно-исторический смысл.

Но родившись народом богатырей, русский народ потенциально-титаническую природу своей души растил и так или иначе, выказывал в течение также и всей своей истории, несмотря на то, что иные, противоположные формы сознания и бытия владели и им, и всем вообще миром.

Об этой природе его свидетельствует, в частности, наш исключительный максимализм, неизвестный в такой мере ни одному народу; наша планетарность в замыслах и устремлениях, наша крайность и бескрайность, которые не хотят знать никакой меры и никакого предела. Даже в безграничной своей территории, которая отнюдь не случайно, являясь **географическим телом** народа, адекватным и соразмерным его душе, в своих вселенских, даже космических устремлениях, которые характерны для наших идеологий, — во всем мы продолжаем мыслить и ощущать, как народ богатырей — в исключительных и

грандиозных масштабах, в единстве Неба и Земли, в титанических понятиях и чаяниях о мире и человеке.

О бескрайности наших пространств, нашего географического тела в таком именно духе писал Гоголь: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?».

Вместе с этим «широкость русской природы» вопла в поговорку. Она даже пугала — и не только филистеров и духовных мешаев, тревожила своей, отрицающей всякую меру, безмерностью. Но в безмерности и состоит наша мера, — мы рождены указать человечеству новый высший принцип отношения к бесконечности. Нам по природе свойствен героический культ величия и могущества; мы преклоняемся, как пикто, перед размерами, темпами и достижениями, что сейчас в России выросло даже до степени и интенсивности некоей мистики, мистики гигантов, заданий и достижений. Мы, как ни один народ, способны поднять высоко знамя всепотрясающего Бунта. Таких размеров, силы и универсальности, как Русская Революция, история не знала еще; таких подвигов героизма и мужества, какие проявили наши революционеры (особенно террористы), не было в практике ни одного известного в истории общественного движения.

В силу тех же причин мы знаем значение и смысл силы, даже восхищаемся ею, понимаем ее демиургическую мощь, — почему нас всегда подстерегает также опасность и соблазн насилия, насилия над жизнью, историей, над самой природой. Ни один народ не развивал такой исторической мощи, не проявлял столько всесокрушающих сил, часто растрчиваемых совершенно бесплодно и зря, с какой-то преступной расточительностью и беспечностью. Об этот колосс разбились величайшие мировые империи, которые имели судьбу столкнуться с ним. Мы, в конце концов, сломали и обратили в небытие великую империю монголов. Нелобедимый гений Наполеона, шедший во главе «двух языков», — всей тогдашней Европы, нашел конец своей феерической карьере у нас. Нами сокрушен гениальный Карл XII, перед которым трепетала тогдашняя Европа, как позже могучая турецкая империя, грозившая также Европе.

Эту какую-то безграничную потенциальную силу русского народа чувствовали другие народы, и потому России всегда боялись: сначала боялись императорской России, потом России коммунистической, грозившей взорвать мир, сейчас начинают бояться завтрашней, рождающейся, новой России. Знаменитый военный писатель и специалист, Клаузевиц, занимаясь военной оценкой России, пишет, что победить ее возможно, лишь воспользовавшись расколом и конфликтом между народом и властью, а без этого она непобедима ни для кого. Эти слова действительно подтверждаются характером наших поражений: Севастополь, вызвавший реформу 1861 года, русско-японская война, кончившаяся революцией, и последняя война, которую революция

кончила. Все это были поражения не русского народа, не России, а **режима**, внутреннего политически ненормального состояния.

Теперь, когда здесь, за рубежом, и там, в России, всевозможные пачкуны и предатели — сознательно или бессознательно, выполняя заказы по борьбе с Россией и с русским народом его врагов, — пытаются всячески очернить, дисквалифицировать и принизить наш народ, особенно своевременно напомнить о свидетельствах его истории, о его великой биографии и характеристике.

Прображение мира средствами демиургической мощи человека, — эта основная тема мироорганизующего титанического миросозерцания, — есть несомненно самое сокровенное устремление души русского народа, выраженное, в частности, и в приведенных выше словах двух богатырей. Вся история русского народа отмечена постоянным стремлением его к устроению праведной, гармонической жизни на земле, к утверждению правды, справедливости и достоинства в человеческих отношениях. Переделать мир, овладеть судьбой его, изъять из-под власти Неведомого свое назначение, свой путь — таковы дерзновенные чаяния его мощной, мятежной души, больше чем какой бы то ни было другой народ посвятившей мыслям Общему, Целому, судьбе всех.

А с другой стороны, этот народ создал величайшую в мировой истории империю, воздвиг грандиозное государство, государство одной, старой России и потом разрушив его, буквально **в несколько лет** — явление почти чудесное в государственной истории человечества — создал новое и притом совершенно своеобразное государство, что указывает на могучую мироорганизующую силу его.

Прометеизм, таким образом, — естественно заданная Идея-Идеал русского народа; о грядущем титаническом миросозерцании человечества он грезит уже в своей колыбели. И этими грезами его и были былины о богатырях. Поэтому, если новому рождающемуся человечеству суждено в его достигнутой безграничной демиургической мощи осуществить эту прекрасную и величественную мечту его творческого гения, мечту-идеал Прометеизма, то именно в пионерстве этой новой высшей эры в человеческом существовании, эры Истории в собственном смысле, и будет заключаться подлинный и своевременный мессианиззм русского народа.

П. Боранецкий.